

Кто-то предложил:

— Давайте попробуем и покажем этим книжникам из бедных семей их истинный уровень!

— Попробуем так попробуем! Если я выиграю тот светящийся кубок, мне он и даром не нужен, отдам своему двоюродному брату, ха-ха-ха!

По каким бы причинам люди ни участвовали в литературном конкурсе «Кубок Сися», когда срок приема работ подошел к концу, счетовод Линь собрал в общей сложности двести пятьдесят одну рукопись. В этих рассказах было все что угодно: от легенд о духах и оборотнях до историй о книжниках и юных красавицах. И среди них даже обнаружилось несколько весьма фривольных!

В предварительном отборе работ участвовали Тан Шэнь, счетовод Линь и несколько сюцаев из Транспортной компании Тан. Наткнувшись на одну откровенно пикантную историю, Тан Шэнь поначалу даже не понял, что перед ним. А когда до него дошло, он молча вытащил рукопись из общей стопки и вечером унес к себе в комнату, чтобы почитать на досуге.

«Бросив взгляд назад, она упала в объятия, отдаваясь чувствам... Попробуем же вновь познать мы страсть...»

Тан Шэнь густо покраснел.

Черт возьми! Древние пишут эротику с такой манящей недосказанностью — почему это будоражит сильнее, чем творения современных авторов?

После Нового года Тан Шэню должно было исполниться пятнадцать лет — в древние времена в этом возрасте уже можно было жениться. Прочитав за ночь столько пикантных историй, он думал, что ему приснится что-то неподобающее. Однако всю ночь он проспал без сновидений, а наутро проснулся бодрым и отдохнувшим, на редкость сладко выспавшись.

Встав утром, Тан Шэнь с бесстрастным видом посмотрел на стопку фривольных рассказов и со вздохом пробормотал:

— Похоже, я все-таки слишком благочестив.

После чего безжалостно сжег их все.

Когда предварительный отбор завершился, Тан Шэнь, счетовод Линь и остальные отобрали тридцать лучших работ.

Никто и подумать не мог, что они отправят эти произведения в книжную лавку Гусу и опубликуют их прямо в ежедневных ведомостях!

Увидев свои произведения в печати, авторы-книжники обомлели и поспешили перечитать объявление, вывешенное Теремом Сися.

«Терем Сися оставляет за собой исключительное право распоряжаться всеми присланными рукописями».

Книжники:

— ...

Этот юный Тан, трижды лучший на экзаменах, оказался слишком уж искусен в ведении дел!

Проживи они еще пару тысяч лет, эти книжники наверняка подобрали бы куда более точное определение для Тан Шэня: «проклятый капиталист!». Но сейчас им оставалось лишь бессильно вздыхать. Впрочем, вскоре они поняли, что Тан Шэнь вовсе не собирался наживаться на их рукописях, продавая их в издательство.

— И то верно. Много ли выручишь с публикации в ведомостях? А ведь юный Тан, трижды лучший на экзаменах, выставил в качестве приза целый светящийся кубок.

Каждый день в ведомостях печатали по десять рассказов, так что за три дня были опубликованы все выбранные работы.

На четвертый день в свежем выпуске ведомостей появилось новое объявление о литературном конкурсе «Кубок Сися». Прочитав его, приславшие свои рукописи книжники дружно расхохотались.

— Надо же, так вот как, оказывается, можно проводить этот конкурс!

Каждый житель Гусу, купивший ведомости за последние три дня, становился судьей в этом литературном конкурсе «Кубок Сися». Чтобы проголосовать за понравившееся произведение, нужно было просто вырезать его из газеты вместе с датами всех трех выпусков. Склеив рассказ и три даты вместе, следовало отнести их в книжную лавку — это и считалось голосом.

Жители Гусу отродясь не видывали ничего подобного. Простые горожане в большинстве своем были неграмотны, а ведомости покупали те, у кого в семье имелись ученые люди. Сами они по большей части работы на конкурс не отправляли, а покупали выпуски лишь из любопытства, прослышав про литературный конкурс «Кубок Сися».

Другие пишут, а ты оцениваешь!

Будто сам становишься экзаменатором!

Прежде экзаменаторами всегда были другие, а они сами — лишь робкими учениками. Неужели в этой жизни им тоже доведется примерить на себя роль судей?

Вмиг все нераспроданные за прошлые дни ведомости смели с прилавков. Книжная лавка Гусу была завалена бесчисленными голосами, а имя Терема Сися вновь оказалось у всех на устах во время досужих разговоров. Дела в Тереме Сися пошли в гору как никогда.

Один-единственный светящийся кубок стоимостью в сто лянов серебра принес такую невероятную рекламу, всколыхнувшую всю управу Гусу.

Даже Лян Сун, проведав об этом, с улыбкой сказал:

— Ах ты паршивец, теперь-то понятно, почему ты не стремишься прилежно учиться. Ну и хитрец!

Тан Шэнь с притворным сокрушением возразил:

— И кто только говорит, что ваш ученик не хочет учиться? Я ведь каждый день пишу столько домашних заданий, а учитель все равно твердит, что у меня нет рвения!

Лян Сун отмахнулся:

— Перестань оправдываться!

— Учитель возводит на меня напраслину, вашему ученику обидно до глубины души, неужели нельзя и слова сказать?

— Тан Шэнь.

— Учитель?

— Ступай-ка ты прочь!

— Слушаюсь!

Так, за чтением конкурсных работ для литературного конкурса «Кубок Сися», прошел второй год пребывания Тан Шэня в управе Гусу.

В Праздник фонарей, пятнадцатого числа первого лунного месяца, управа Гусу расцвела мириадами огней. На ярмарках и на речной глади повсюду покачивались изящные праздничные фонарики. Тан Шэнь привел на храмовую ярмарку Тан Хуан, чтобы вместе разгадывать загадки. Девочка училась уже год, и хотя счетовод Линь давал ей лишь самые основы грамоты, Тан Хуан схватывала все на лету. Рассматривая надписи на фонарях, она с легкостью разгадала многие из них.

Когда литературный конкурс «Кубок Сися» подошел к концу, первое место, к общему удивлению, занял бедный книжник. Его повесть была классической историей о молодом ученом и юной деве, и среди первой пятерки призеров он оказался единственным выходцем из простонародья. По правде говоря, сюжетов о книжниках и красавицах было пруд пруди, жители Гусу давно от них устали и неохотно голосовали за подобное. Однако даже Тан Шэнь не ожидал, что этот автор напишет душераздирающую историю о коварном соблазнителе и безвольной дурочке!

Сюжет изобилует такой дешевой драмой и жестокими поворотами судьбы, что читатели, горько оплакивая героев, испытывали ни с чем не сравнимое удовольствие. В итоге произведение с огромным отрывом заняло первое место.

Тан Шэнь как раз выбирал фонарик и еще не успел расплатиться, когда услышал разговор прохожих неподалеку:

— Этот книжник Чжан только лицом и вышел! Раньше-то был нищим голодранцем. Если бы Линь Сяосяо не дала ему денег на дорогу в столицу для сдачи экзаменов, разве стал бы он первым среди ученых мужей? А он так жестоко растоптал ее чувства! Да разве он человек после этого?!

— И поделом ему! В конце Линь Сяосяо угасает от неизлечимой болезни, и этот негодяй Чжан рыдает на коленях перед ее смертным одром... Для меня это лучшая развязка!

Даже сквозь тысячелетия вкусы читателей ничуть не изменились!

— Неужели эта история про книжника Чжана и Линь Сяосяо настолько хороша? Мне так вовсе не кажется.

Услышав это, Тан Шэнь опустил голову и с удивлением посмотрел на Тан Хуан:

— А-Хуан, ты тоже читала ту повесть?

Тан Хуан на мгновение смутилась, но тут же с вызовом заявила:

— Ее же напечатали в ведомостях, почему это мне нельзя ее читать?

Тан Шэнь ничего не ответил, лишь многозначительно посмотрел на сестру. Подойдя к лавке, где торговали бумажными кроликами, он принялся внимательно выбирать и в итоге выудил самого красивого кролика с красными ушками. Расплатившись, он протянул фонарик Тан Хуан. Девочка решила, что это просто подарок от брата, ведь этот фонарик действительно был самым нарядным во всей лавке.

Вдруг Тан Шэнь произнес:

— Светящегося кубка тебе точно не видать, рановато тебе еще тягаться с другими. Так что этот кролик пусть побудет утешительным призом.

Тан Хуан застыла и, задрав голову, изумленно воззрилась на брата.

Спустя долгое молчание она спросила:

— Брат, как ты узнал, что я тоже отправляла рассказ?

Тан Шэнь рассмеялся и легонько щелкнул ее по лбу:

— Да с твоей-то писаниной, похожей на каракули от злых духов, разве я мог не узнать?

— ...

— Тан Шэнь!!!

— ...Ты что, плачешь?

— Эй, Тан Хуан, ты правда плачешь?

Тан Шэнь немедленно занервничал. Он поспешно опустил перед ней на корточки и принялся всячески успокаивать, но Тан Хуан упорно отворачивалась. Стоявшие неподалеку Яо Сань и Тётушка Яо с улыбкой наблюдали за ними.

«Ни разу еще не доводилось видеть нашего молодого хозяина в таком замешательстве. Как же сильно он дорожит А-Хуан!»

Шестнадцатого числа первого лунного месяца в Академии Цзян возобновились занятия.

С самого утра Тан Шэнь поднялся с постели и направился не в академию, а в Помесье Лян с новогодними подарками.

Два дня назад учитель только вернулся из управы Цзиньлин, и Тан Шэнь не стал его беспокоить. Вчера праздновался Фестиваль фонарей, и учитель наверняка был занят делами управы Гусу, поэтому Тан Шэнь тоже не пришел. Но сегодня он захватил с собой эфирное масло и туалетное мыло из Павильона Чжэньбао, а также письменные принадлежности, присланные Госпожой Тан — поговаривали, что кто-то доставил эту тушу и чернильные камни прямиком из Шэнцзина. Со всем этим добром он и пожаловал в Помесье Лян.

Когда Тан Шэнь переступил порог, дворецкого Ляна на месте не оказалось, но слуга у ворот давно знал юношу в лицо и пропустил его без лишних вопросов.

Лян Сун сам был родом из Гусу, поэтому эта усадьба была не казенной резиденцией начальника управы Гусу, а старинным родовым поместьем семьи Лян. Стоило войти и повернуть налево, миновав проход в виде арки из камней Тайшань, как взору открывался пруд с изумрудной водой. У берега росли девятнадцать кустов камелий, а на воде плавали увядшие, сломанные листья лотоса. К счастью, накануне ночью прошел сильный снегопад, и теперь чистый снег укрывал каменные плиты у воды, припорошивая ветви лишенных цветов камелий, отчего казалось, будто на них распустились белоснежные соцветия.

Обогнув пруд, Тан Шэнь направился к дворику перед кабинетом Лян Суна и едва не поскользнулся. Подняв глаза, он увидел выходящего из кабинета дворецкого. Тан Шэнь окликнул его. Дворецкий в изумлении уставился на гостя, словно недоумеая, как тот здесь очутился. Заметив в руках Тан Шэня подарочные коробки, он почтительно поклонился:

— Молодой господин Тан, господин сейчас у себя. Вы пришли так внезапно... Желаете, чтобы я доложил о вашем визите?

Явиться без предупреждения считалось верхом неприличия.

<http://bllate.org/book/18292/1754471>